

«Драматургия с радостью в голове»

Первоуральскому театру «Вариант» (ныне — Театр драмы и комедии) в марте исполняется 30 лет. К юбилею творческого коллектива «Городские вести» выпустят серию публикаций о людях, участвующих в судьбе театра. Первая история — о Сергее Губаре, основателе и художественном руководителе «Варианта»

Сергей Губарь

На работу — как на каторгу

Сергей Николаевич родился во Владивостоке, в 14 лет приехал в Первоуральск.

— Я окончил школу на тройки, у меня была только одна хорошая оценка, мне ее поставил физрук, потому что я занимался прыжками в высоту, — вспоминает Сергей Губарь, — но никогда не ходил на лыжах — мне здесь, на Урале, было очень холодно. Мне тут вообще все не нравилось, мне не нравились люди, они другие, все другое.

В 1965 году Сергей Николаевич окончил школу, и ему «просто было некуда деться».

— Я работал на Новотрубном заводе электрослесарем, — вспоминает режиссер. — Ходил туда, как на каторгу, и четко понимал, что это — не мое.

Тогда в Первоуральске уже был достаточно сильный самодеятельный театр, им руководила Надежда Андреевна Матизен. А еще до войны был театр рабочей молодежи под руководством режиссера Вечерского — ребята днем работали, а вечером играли на сцене.

— Хрущев решил, что должны быть народные театры, которые заменят профессиональные, — говорит Сергей Губарь. — Вот в 1965 году я и пришел в такой народный театр. В народном театре нет деления на специальности, там все делают все — сами мастерят декорации, шьют костюмы, играют на сцене.

Когда Сергей Николаевич осознал, что наконец-то нашел занятие по душе, то в 28 лет пошел учиться — окончил Щукинское училище.

«Нужно разговаривать на одном языке»

Уникальность первоуральского театра заключалась в том, что он стал профессиональным, начиная, как самодеятельный. Причем, он сохранил ту труппу, которая была в самом начале — Андрей Мурайкин, Дмитрий Плохов, Александр Чайников и многие другие пришли в театр со школьной скамьи.

Ребята, пришедшие в студию, были непрофессионалами, поэтому Сергей Николаевич настоятельно отравлял их учиться, потому что считал — дураков такая профессия не любит.

— Вот вы знаете, кто такой Островский? — спрашивает Сергей Николаевич. — А у меня пришли пацаны, которые не знали, в школе учились на двойки. Их знаете, сколько было? 400 человек прошли через самодеятельный театр. Тех, кто чего-то добился, очень мало. А сейчас в труппе всего 17 артистов.

Трудно представить, как можно заставить подростков-хулиганов прочитать пьесу, выучить роль, выйти на сцену. Но и тут Сергею Губарю удалось найти подход к своим артистам.

— Пацанов очень просто было заставить играть, — говорит Сергей Николаевич. — Я с ними разговаривал нормально, не свысока. С ними нельзя разговаривать «сверху», они должны быть твоими друзьями. Да ребятам и самим было интересно.

По словам режиссера, мальчишки пошли не на сцену, а в семью — туда, где их будут понимать и разговаривать с ними на одном языке. А еще в театре учили фехтовать на шпагах.

— Мы ставили «Ромео и Джульетту», — улыбаясь, рассказывает Губарь. — Они брали шпаги и носились по Дворцу, сражаясь друг с другом. Ребятам нравилось то, что можно наизусть читать Шекспира, экспериментировать, пробовать что-то новое.

И название театра — «Вариант» — появилось именно потому, что ставили спектакли посвоему, так, как нравилось. Должно было быть так, как ни у кого не было, поэтому не надо было на кого-то равняться, у кого-то «списывать».

— Артистов на роль я выбирал сначала методом проб и ошибок, — продолжает Сергей Николаевич, — но чем больше работаешь с человеком, тем лучше его узнаешь. Теперь я знаю, на что способен и какую роль может сыграть каждый из артистов.

Театру нужна молодежь

На полках в квартире Сергея Губаря — собрания сочинений Шекспира, Золя, Бальзака. Сергей Николаевич считает, что драматургия прошлых лет ему гораздо ближе и достойна того, чтобы быть поставленной на сцене.

— Раньше была драматургия с радостью в голове, которая звала и говорила — радоваться надо этой жизни, — рассуждает режиссер. — Нужно понимать, что впереди радость. А когда я вижу драматургию, у которой впереди непонятно что, я ее не воспринимаю. Не нужно путать американский хеппиэнд с надеждой на будущее. Вот «Ревизор» и хеппиэнда не имеет, но и не безнадежен, потому что впереди — жизнь. А пьесы МакДонаха, Коляды не моё, кажется мне, что в их пьесах впереди жизни нет. У классиков можно брать любую пьесу, ставить ее, и это будет беспроблемный вариант. Именно поэтому они и называются классиками.

Сергей Николаевич считает, что в городе обязательно должен быть театр, привлекающий молодежь. А сейчас театру слишком трудно приходится, в искусство необходимо вкладывать средства, иначе развитие невозможно.

— Пришла новая власть. Тут кто-то прокричал в газете, что Переверзев ничего не понимает в культуре. Но я смотрю на этого человека — да все он понимает! — рассуждает Сергей Николаевич. — Я с главой лично не встречался, но есть человек, с которым я встречаюсь достаточно часто — Александр Слабука, его заместитель — он тоже понимает, все прекрасно понимает. Мэр-то у нас молодой, и молодые должны прийти в театр, потому что сейчас это просто необходимо.

«Уйдя из профессии, профессию не забываешь»

Через руки режиссера прошло немало актеров — кто-то не выдерживал и уходил, кто-то всю жизнь посвятил любимому делу. Артистами становятся только те люди, которые сильны настолько, что могут побороть собственную гордыню. Особенно тяжело это дается состоявшимся взрослым мужчинам.

Парни, приходившие из армии, не выдерживали обучения в институте, потому что ползать на четвереньках и изображать кошечку не так легко. Вроде простые, на первый взгляд, вещи подавляют слабого человека психологически.

— Те, кто по-настоящему талантлив, остаются артистами на всю жизнь, — говорит Сергей Николаевич. — Вот, например, о Диме Плохове можно целую историю рассказать. Когда он пришел в театр, то играл камень в сказке. Он должен был прикатиться и откатиться — вот и вся роль. Дима прошел долгий путь до лучшего, ведущего артиста театра — у него сейчас огромный репертуар. Плохов, без сомнения, ведущий артист, очень талантливый человек, который не всегда сходится со мной во мнениях. Но это — правильно, потому что если нет конфликта, нет и плодотворного сотрудничества. Замечательным артистом стал Андрей Мурайкин, ни один спектакль не обходится без него уже много лет.

Многие из учеников Сергея Губаря разъехались по стране, стали режиссерами, руководителями студий, артистами.

Александр Ряписов, например, работает в Нижнем Новгороде. Сегодня он — известный во всем мире режиссер. А свой дипломный проект Александр защищал здесь, в Первоуральске — его постановка «Шутки в сторону» шла в городе больше восьми лет.

— Я горжусь многими, среди них и те, кто сегодня выходит на сцену и те, кого уже с нами нет — говорит Сергей Николаевич. — Алексей Кондратьев, Саша Щеглов, Коля Зайцев — уникальные артисты, хулиганы. Я часто думаю — какие все-таки были люди.

Сейчас Сергей Губарь отошел от театральных дел, но лелеет заветную мечту.

— Я хочу дожить до 85 лет — всего 20 лет осталось, — улыбается режиссер. — Ко мне только-только пришла зрелость в постановках. Поэтому дожить бы до 85 и поставить что-нибудь по-настоящему. Уйдя из профессии, профессию не забываешь. Меня сейчас гложет Шекспир, хотя я его уже ставил. И вот у Шекспира мне в очередной раз попался «Гамлет». Вот его и хочу поставить, используя новые приемы.

Но режиссер мечтает не только о новой постановке.

— Хотелось бы поцеловать любимого человека, жить без долга к любимой женщине и сохранить свежесть чувств к любимой женщине, — перечисляет Сергей Николаевич. — Это — самое главное, то, ради чего стоит жить.